

Nicolas d'Etienne d'Orves

EIFFEL

ПРОЛОГ

Бордо, 1859

Вода была ледяная. Казалось, его тело пронзили тысячи кинжалов, угрожая исполосовать кожу, пресечь дыхание. Холод, когда он достигает предела, становится обжигающим; жгучие языки стужи буквально опалили его лицо — щеки, лоб, губы. Это было так неожиданно, что он невольно открыл рот, куда мгновенно хлынула тинистая вода; он успел ее нахлебаться, прежде чем задержал дыхание. Все произошло мгновенно. Грузный рабочий в башмаках, которые были едва ли не шире хлипкого мостика. Подгнившие доски, скользкие, плохо пригнанные друг к другу. В какой-то миг мужчина свистнул, желая привлечь внимание молодой женщины, проходившей по другому берегу Гаронны.

Миг — и несчастный случай.

Нога скользнула вперед, тело запрокинулось назад, и раздался испуганный недовер-

чивый вопль — он до сих пор отдается эхом в ушах.

— О, господи! Это же Шовье!

Все окаменели. Однако, порасспроси их кто, каждый стал бы утверждать, что боялся именно такой беды. Да-да, причем с самого начала стройки! Хотя Пауэлс заверял, что строительные леса вполне надежны, никакого риска, а построить этот мост проще простого, детские игрушки. И все поверили. Точнее, всем было удобно в это поверить. Кроме того, Пауэлс щедро платил за работу. Здесь, в Бордо, он считался одним из лучших предпринимателей. Люди гордились, что работают на этой стройке. В газетах писали, что такой мост — целиком из металла! — революционное изобретение*. В городских кафе и на улицах прохожие окликали рабочих, чтобы разузнать о нем побольше:

— Ну-ка, что вы нам расскажете?

— Скоро его откроют, этот ваш мост?

Рабочим льстил всеобщий интерес, они чувствовали себя участниками знаменатель-

* Железнодорожный мост в Бордо, обычно называемый Эйфелевым пешеходным мостом, — металлический мост, соединяющий набережную Палудате и набережную Дешама на реке Гаронне. (Здесь и далее прим. переводчика).

ного события. К тому же и молодой инженер — всего-то двадцать шесть лет! — вдохновлял их своим примером: не жалел сил и времени, приезжал на стройку первым и уезжал последним, самолично закрывая барьеры, как только все уходило. Он бурлил идеями и энергией, этот Эйфель*. Конечно, его фамилия звучит слегка по-немецки, хотя сам он называет себя бургундцем. Впрочем, его подчиненным это безразлично: на стройке не думают о происхождении, главное, чтобы люди честно трудились.

Вот и Шовье работал не за страх, а за совесть. Он был в числе самых увлеченных этим проектом. Эйфель сразу выделил его из общей массы, прислушивался к его суждениям, доверял его врожденному чутью. И не кто иной как Шовье предупредил инженера о ненадежности этого мостка:

— Надо укрепить его дополнительными досками, знаете ли... Хорошо бы сказать об этом мсье Пауэлсу, он ведь тут хозяин.

* Эйфель Гюстав Александр (1832—1923) — французский инженер, специалист по металлическим конструкциям, создатель многих мостов, виадуков, статуи Свободы в США (со скульптором Фредериком Бартольди) и Эйфелевой башни в Париже (1887—1889).

— Ладно, я этим займусь, — обещал Эйфель. Увы, его предложение встретило решительный отпор.

— Даже речи быть не может! — отрезал Пауэлс, не дослушав аргументов инженера.

— Но если произойдет несчастный случай, вы первый будете виноваты!

— Да бросьте! Каждый обязан сам заботиться о своей безопасности, дорогой мой. А, кроме того, ответственность за нормальный ход работы лежит целиком на вас. Эта стройка и без того обходится мне дорого. Кстати, хочу напомнить, что вы тут получаете самую высокую зарплату.

Эйфель вернулся к рабочим не солоно хлебавши, но никто не стал его упрекать.

— Ладно, вы хотя бы попытались убедить хозяина, и на том спасибо, — утешил его Шовье.

— Постарайтесь быть осторожнее, ладно, Жиль?

— Да мне-то бояться нечего! — усмехнулся рабочий. — Я не тяжелей миноги.

И надо же было такому случиться: именно он, Шовье, с отчаянным криком рухнул с мостков в реку и скрылся под водой.

Все произошло так быстро, что Эйфель не успел трезво оценить ситуацию. Иначе разве он прыгнул бы следом?

Но инженер бросился в воду, даже не скинув обувь.

В первый момент его парализовал холод, но он собрался, и ему удалось разглядеть в мутной, темной воде Шовье. Им повезло: в это время года Гаронна, как всегда, обмелела. В считанные секунды Эйфель обхватил могучее тело рабочего, который был намного крупнее, чем он, и, напрягшись, оттолкнулся ногой от речного дна. Ему повезло во второй раз: нога уперлась в доску, свалившуюся в реку с мостков в первые дни строительства.

Эйфелю казалось, что их подъем длился целую вечность. Говорят, в такие предсмертные мгновения у человека проносится перед глазами вся жизнь. Однако Эйфель решительно отогнал воспоминания: некогда подводить итоги, поскорей бы всплыть на поверхность, чтоб не задохнуться.

Воздух, ворвавшийся наконец в легкие, причинил им обоим жгучую боль, словно они глотнули раскаленной лавы, которая тут же изверглась вместе с рвотой, едва спаситель и спасенный выбрались на берег.

Их окружила толпа подбежавших рабочих, все хотели помочь им отползти подальше от реки.

Шовье перевернулся на спину и с улыбкой посмотрел в небо.